

> МАГИСТРАЛЪ >

НАЦУМЭ СОСЭКИ

Ваш покорный
слуга КОТ

Москва

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
Н35

夏目 漱石
吾輩は猫である

Перевод с японского *Люсине Манукян,*
Полины Максимовой, Любви Курганской

Литературный редактор *Элина Ханова*

Корректор *Анастасия Вишнякова*

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Нацумэ, Сосэки.

Н35 Ваш покорный слуга кот / Сосэки Нацумэ ; [перевод с японского Л. Манукян и др.]. — Москва : Эксмо, 2026. — 480 с.

ISBN 978-5-04-229841-7

«Ваш покорный слуга кот» — ироничная жемчужина японской классики, где домашний питомец становится самым наблюдательным хроникером человеческих слабостей.

Нацумэ Сосэки — мастер мягкого, но меткого смеха, и здесь он играет в полутоновые сатиры так тонко, что кошачьи усы дрожат от удовольствия.

Перед читателем — Токио начала XX века, зыбкая эпоха перемен. Сквозь ленивый прищур и царственную независимость кот описывает своих хозяев и их друзей: ученых, мечтателей, амбициозных карьеристов. Он видит их смешные тревоги, нелепые позы, комические попытки казаться важнее, чем они есть. И вся эта панорама человеческой природы звучит неожиданно свежо: парадоксальным образом именно кот оказывается самым трезвым философом в комнате.

Книга — легкая, острая, полная тихой грусти и пронзительного юмора. Это история о жизни, где и смешное, и серьезное соседствуют так же естественно, как мягкая шерсть и острые когти. Она оставляет после себя теплое эхо — и желание прислушаться к собственному внутреннему мурлыканью.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-229841-7

© Цуру, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Позвольте представиться: я — кот. Имени у меня пока нет.

Не знаю, где я родился. Помню только, как жалобно мяукал где-то в темном и сыром углу. Там же я впервые увидел существо под названием «человек». Позже я узнал, что это было самое жестокое существо из всех разновидностей людского племени — мальчишка-ученик. Поговаривают, что изредка эти мальчишки-ученики хватают нас, кошек, варят в кастрюле да потом едят. Но тогда я не знал, чего ожидать, и особо не испугался. Наоборот, я сразу почувствовал мягкость его ладоней, когда он взял меня на руки и поднял. Устроившись удобнее, я начал внимательно рассматривать лицо мальчишка, ведь тогда я впервые видел человека. В тот момент я подумал: «До чего же странное существо». С тех пор мое мнение не изменилось. Во-первых, его лицо, на котором должна красоваться шерсть, было совсем круглое и гладкое, прямо как металлический чайник! С тех пор я повстречал много кошек и котов, но никогда мне не доводилось видеть такого уродца! Мало того, прямо по центру на его лице был какой-то выступ, откуда из двух отверстий то и дело вылетали клубы дыма, из-за чего я начал задыхаться и ослаб. Только недавно я наконец узнал, что это был табак, который курят люди.

Потом я довольно долго сидел на руках мальчишки-ученика и чувствовал себя хорошо, как вдруг меня с огромной скоростью повело. Я не мог понять, кто

двигался, то ли он, то ли только я, но голова у меня закружилась. К горлу подступила тошнота. «Умираю», — пробежала мысль, и я ударился о землю с такой силой, что даже искры из глаз посыпались. Что было до этого, я помню и поведал вам, а что случилось после, не могу вспомнить, как бы ни старался.

Когда я пришел в себя, мальчика рядом не было. Как и моих многочисленных братьев и сестер. Даже такая важная фигура, как моя мать, и та где-то скрылась. К тому же я очутился в незнакомом месте, настолько ярком, что резало глаза. «Да где же я?» — подумал я и медленно начал двигаться, но с каждым шагом меня одолевала страшная боль. Вместо мягкой соломки под лапами оказались колючие заросли молодого бамбука.

Когда я наконец пробрался сквозь них, передо мной возник огромный пруд. Я уселся на берегу и принялся думать, что же мне делать. Но ничего, кроме как жалобно позвать мальчишку-ученика, придумать не смог.

— Мяу-мяу, — завопил я, но никто не пришел. Только ветер рябил поверхность пруда, в котором отражалось закатное солнце. В желудке было пусто. Я хотел было мяукнуть, но голос совсем пропал. Выхода не было: я набрался решимости дойти до места, где можно найти что-нибудь поесть, и принялся медленно обходить пруд с левой стороны. Это давалось мне с большим трудом. Терпя боль, через силу я передвигал лапы и каким-то образом наконец вышел туда, где пахло человеком. Посчитав, что это мой последний шанс, я пролез через дыру в ограде из бамбука и забрался в чей-то особняк. Судьба, конечно, удивительная штука: не будь этой дыры, я бы, наверное, так и умер с голоду где-нибудь на обочине. Не зря говорят: «На все воля Божья»; и по сей день эта дыра служит мне путем к трехцветной кошке Микэ, что живет по соседству. Итак, во двор-то я пробрался, но что делать дальше — не знал. Вскоре на улице стемнело. Меня совсем одолел голод, я ужасно продрог от холода

и начавшегося дождя. У меня не было другого выбора, кроме как пойти вперед, на свет и тепло.

Теперь-то я знаю, что тогда забрался в чужой дом. И здесь мне снова выпал случай встретиться с человеком, но уже не с тем мальчишкой. Первым делом я наткнулся на кухарку. Она была в разы безжалостнее того хулигана и, едва завидев меня, вдруг схватила за загривок и вышвырнула во двор.

«Ах, ничего не вышло!» — подумал я и, оставив свою жизнь на произвол судьбы, погрузился в сон. Однако вскоре мне стало невыносимо холодно и голодно. Воспользовавшись моментом, когда кухарка отошла, я снова залез на кухню, но меня тут же вновь вышвырнули за ее пределы. Помню, что пробирался так много раз, но каждый раз меня снова вышвыривали. В тот момент я всем сердцем возненавидел кухарку. Недавно только отплатил ей за этот случай, стащив у нее сайру, и наконец заглушил свою обиду. Когда кухарка собиралась в последний раз выставить меня за дверь, на кухню вошел хозяин дома.

— Что здесь за шум? — спросил он.

Кухарка показала меня хозяину:

— Да вот, бездомный котенок. Сколько ни выгоняла его, все равно сюда лезет. Сил моих нет, — ответила она.

Хозяин, накручивая растущие под своим носом черные волосы, какое-то время всматривался в мою морду.

— Ну, раз так, оставь его у нас. — С этими словами он пошел обратно в залу.

Тогда хозяин произвел впечатление не особо разгворчивого человека. От досады кухарка швырнула меня на пол. Вот так этот дом и стал моим пристанищем.

С хозяином мы пересекаемся редко. По специальности он школьный учитель, и как вернется с работы домой, как засядет в своем кабинете, так весь день почти и не выходит оттуда. Домочадцы считают, что он ужасный трудоголик. Он и правда всем своим видом это демонстрирует. Однако на самом же деле не такой уж он

и работяга. Иногда мне удается подкрасться к кабинету и мельком подсмотреть, что же он там делает. А он, оказывается, спит. Порой даже слюной капают на раскрытую книгу. Кожа у моего хозяина из-за несварения желудка бледновато-желтого оттенка, неэластичная и дряблая. Тем не менее ест он хорошо и после плотного приема пищи пьет амилазу¹. После обеда он раскрывает книгу, читает две-три страницы и засыпает. А потом пускает на нее слюни. Вот это и есть все ежедневные занятия хозяина. Я хоть и кот, но кое-что рассудить могу: жизнь школьного учителя в самом деле беззаботна. Если уж и родиться человеком, то только в теле учителя! Во время сна-то работать и котам под силу. Хотя сам хозяин говорит, что нет ничего ужаснее, чем быть учителем. И каждый раз, когда приходят друзья, он так или иначе жалуется им на свою судьбу.

Теперь, в доме хозяина, я не пользуюсь популярностью ни у кого, кроме учителя. В какую часть дома я бы ни пошел, все меня гонят и никто не хочет иметь дел. Мне до сих пор даже имени не дали — вот насколько меня здесь не ценят. Так что деваться мне некуда, приходится стремиться все время быть подле хозяина, ведь это он приютил меня. Когда с утра он принимается читать газету, я обязательно запрыгиваю к нему на колени. Ежели он спит днем, я непременно устраиваюсь у него на спине. Не то чтобы я питаю большую любовь к нему. Просто другой заботливой руки у меня здесь нет, вот и приходится переступать через себя. Кроме того, по утрам я предаюсь сну на закрытой кадлушке для риса, ночами нежусь на катацу², а днем, когда позволяет погода,

¹ А м и л а з а — фермент, важный для пищеварения, который расщепляет сложные углеводы на более простые сахара для эффективной усвояемости организма. *Здесь и далее — примечания переводчиков.*

² К о т а ц у — комнатная жаровня на низком столике, накрываемая одеялом.

дремлю на веранде. Но больше всего я люблю заползть в постель к хозяйским детишкам и, пригревшись, спать там всю ночь. Одной девочке пять, другой — три, и по ночам в комнате они делят общую постель. Обычно я присматриваю себе местечко и кое-как протискиваюсь между ними, чтобы прилечь. Но если вдруг кто-нибудь из них, к несчастью, приоткроет глаза, я окажусь в крайне ужасном положении. Они (особенно младшая) начнут реветь среди ночи и что есть мочи кричать: «Здесь кот! Здесь кот!» Тогда хозяин, вечно раздраженный из-за своего несварения, обязательно проснется и примчится из соседней комнаты. Вот и на днях он рассердился, схватил длинную линейку и отхлестал ей меня по заду.

Проживая совместно с людьми и все больше наблюдая за ними, могу смело заявить, что они существа капризные и избалованные. Что же касается этих чертенышей-детей, с которыми я иногда делю ложе, то даже рассказывать страшно. Они и переворачивают меня вверх лапами, и надевают мне мешок на голову, и бросают меня по-всякому или засовывают в печь, когда им только вздумается. А если хоть немного начну вырываться, они всем домом гонятся за мной, ловят и избивают. И вот недавно я совсем немного поточил свои когти о циновку в гостиной, а хозяйская жена так сильно разозлилась, что теперь просто не пускает меня в залу. И ей все равно, что на кухне я трясусь от холода, сидя на деревянном полу.

Дорогая Широ, которая живет в доме наискосок от нас, как встретит меня, каждый раз говорит, что «нет на земле более бесчеловечного существа, чем сам человек». На днях у Широ родилось четверо клубочков-котят. Но уже на третий день мальчик-ученик, что живет с ней, отнес котят к пруду за дом и побросал в воду. Бедная Широ со слезами рассказала мне все это и добавила, что кошачий род должен всеми силами бороться с людьми и искоренять их ради наших детей и во имя построения

прекрасной семейной жизни! Это кажется мне весьма разумным. Вот и соседская Микэ-сан тоже много возмущается, что люди ничего не знают о праве собственности. Издревле в нашем кошачьем роду повелось, что если ты первым успел отыскать голову сушеной селедки или желудочки кефали, то имеешь право полностью их съесть. А если же кто-нибудь из собратьев нарушит договоренность и съест твой улов, к нему позволено применить физическую силу. Но у людей будто совсем нет принципов: они наглешим образом воруют добытые нами деликатесы. Силой они захватывают то, что справедливо принадлежит нам. Широ хозяйничает у военного, а Микэ-сан держат в доме адвоката — вот почему они так рассуждают. А я живу всего-то у школьного учителя, потому и смотрю на жизнь оптимистичнее моих знакомых. Мне бы только провести остаток своих дней тихо и спокойно. Все равно, сколько бы ни было на свете людей, их род не будет процветать вечно. Так что лучше будем терпеливее и подождем эры господства кошек.

Раз я начал говорить о капризах, расскажу-ка, как мой хозяин однажды потерял лицо из-за них. По своей природе он ни в чем особенно не превосходит других, но любит братья за все: то сочиняет хокку и посылает их в журнал «Кукушка», то пишет новые стихи и отправляет в «Утреннюю звезду», то что-то строчит на английском с ошибками, то вдруг увлекается стрельбой из лука, то начинает петь утай¹, а иной раз и скрипка как-нибудь завоет. Жалко только, что ничто у него не выходит превосходно. И несмотря на слабый желудок, уж если возьмется за что-то, то с чрезмерным рвением. Он даже поет свои утай в уборной. Его совсем не смущает прозвище «туалетный маэстро», которое придумали соседи, и продолжает тянуть: «Это храбрый Тайра Мунэмори».

¹ Утай — песни, исполняемые во время представлений в классическом японском театре «Но».

Все вокруг уже смеются над ним: «О, да это же новый Мунэмори!»

Так вот, примерно через месяц после того, как я стал жить у него, в день зарплаты хозяин вдруг вбежал домой с большим свертком в руках. Мне стало интересно, что же он там купил, а это оказались акварельные краски, кисти и бумага, называемая ватман: похоже, он решил бросить угаи и хокку и заняться рисованием. И действительно, со следующего дня в течение какого-то времени он каждый день рисовал в своем кабинете, отказавшись от дневного сна. Глядя на его картины, никто не мог понять, что именно на них изображено. И, похоже, он сам тоже не был доволен своими работами, учитывая, что как-то раз я услышал его разговор с другом, разбирающимся в искусстве.

— Ну никак не получается у меня хорошо рисовать. Когда смотришь на чужие работы — кажется, ничего сложного, но как сам берешь кисть в руки, так понимаешь, насколько это трудно.

Мой хозяин поделился своими откровенными мыслями, в которых не было ни капли притворства.

Его друг, глядя на него сквозь свои очки с золотистой оправой, сказал:

— Поначалу со всеми так. Прежде всего, невозможно рисовать, полагаясь лишь на воображение, ограниченное одной комнатой. Давным-давно один великий итальянский художник, Андреа дель Сарто, сказал: «Если пишешь картины, обязательно изображай саму природу. Звезды на небе, капли росы на земле. Летающие птицы, бегающие звери. Золотые рыбки в пруду, зимние вороны на дереве. Природа сама по себе — одно большое живое полотно». Понимаешь? Если хочешь стать настоящим художником — попробуй начать с природы.

— Андреа дель Сарто и вправду так говорил? Я и не знал. Действительно, очень разумно. Он совершенно прав! — чрезвычайно восторженно воскликнул хозяин.

А за золотой оправой очков на лице друга мелькнула улыбка, как будто насмешливая.

На следующий день я, как обычно, вышел на веранду и задремал, удобно устроившись, но вдруг из кабинета вышел хозяин, что было для него совсем нехарактерно, и начал что-то делать у меня за спиной. Проснувшись, я на секунду приоткрыл глаза, чтобы посмотреть, чем он занимается, и увидел, как он с полной отдачей выполняет волю Андреа дель Сарто. Я не мог не усмехнуться при виде этой сцены. Его друг подшутил над ним, а он тут же решил нарисовать меня. Я уже выпался, и теперь ужасно хотелось зевать. Но хозяин взялся за кисть с таким старанием, что мне было жалко мешать ему движениями, и я терпеливо ждал. Он закончил набросок и стал раскрашивать морду. Признаюсь, что как кот я не представляю собой особого интереса. Я не лучше других котов ни ростом, ни шерстью, ни формой морды. Но даже при всей моей заурядности я никак не мог узнать себя в том странном существе, что изобразил мой хозяин. Я совсем не такой. У меня, как у персидского кота, бледно-серая шерсть с желтоватым оттенком и черными, как лак, пятнами. Думаю, никто бы не усомнился в этом факте. Однако краска, которой хозяин рисовал мою шкурку, была не желтой, не черной, не серой, не бурой и даже не смесью этих цветов, а просто какого-то непонятого, не поддающегося описанию цвета. К тому же, что более странно, на картине у меня не было глаз. Конечно, он рисовал меня, пока я спал, но на глаза не было даже намека, отчего становилось непонятно — то ли кот слепой, то ли просто спит. И я подумал, что, пусть это будет работа самого Андреа дель Сарто, она никуда не годится. Однако я не мог не отдать должного усердию хозяина. Ради него я пытался не шевелиться, но уже некоторое время меня звала природа. Я начал ерзать на месте. Дело становилось срочным, не терпящим отлагательств, поэтому, ничего не поделаешь, пришлось

проявить неуточность: я вытянул передние лапы вперед, низко опустил голову и протяжно зазевал. После этого больше оставаться спокойным и неподвижным смысла не было. Все равно я уже испортил замысел хозяина, так что заодно решил доползти до заднего двора и справиться нужду. Тогда хозяин голосом, в котором смешались разочарование и гнев, крикнул из комнаты: «Ах ты, засранец!» У него есть привычка ругаться, обязательно называя человека «засранцем». Я понимаю, что он просто не знает других оскорблений, но обзывать меня так, совсем не зная, сколько я терпел ради него, — это уж, считаю, чересчур. Да если бы он выражал хоть какое-нибудь удовольствие, когда я дремал у него на спине, я бы снес его ругательства, но ведь он ни разу не сделал мне ничего хорошего по доброй воле. И вот, только из-за того, что я встал пописать, он орет «засранец» — это уж слишком. Вообще, люди — такие существа, что, возгордившись своим могуществом, становятся все более высокомерными. И неизвестно, до каких пределов они еще возгордятся, если не появится кто-то сильнее и не приструнит их.

Высокомерие такого уровня я еще могу стерпеть, но мне доводилось слышать и другие истории о людской несправедливости, в несколько раз печальнее этой.

За домом хозяина есть небольшой чайный сад примерно в тридцать квадратных метров. Несмотря на свои скромные размеры, сад опрятный, приятный и хорошо освещенный. Когда дети в доме слишком шумят, не давая спать днем, или когда скучают и не в духе — я всегда выхожу туда, чтобы предаться возвышенному спокойствию. В один прекрасный осенний день в два часа пополудни после приятного послеобеденного сна я, чтобы размяться, направился в тот сад. Обнюхивая корни чайных кустов один за другим, дошел до изгороди из кедра на западной стороне сада и вдруг увидел, как на поваленных сухих хризантемах, распростершись, спит

большой кот, не обращая внимания на окружение. Он спал так крепко, что не заметил моего приближения, или даже если заметил, оставался совершенно равнодушным и храпел, растянувшись во весь рост. Я не мог не удивиться его наглости: как он может так беззаботно спать в чужом саду? Это был полностью черный кот. Едва перевалившее за полдень солнце освещало его шкуру своими лучами, и казалось, что в его блестящей шерсти пылает невидимое пламя. Он обладал таким мощным телосложением, что его можно было назвать королем всех кошек. Он точно был вдвое больше меня. Я, застывший от восхищения и охваченный любопытством, стоял перед ним и пристально смотрел, забыв обо всем. Тихий осенний ветер поддел ветку японского макового дерева, выглядывавшую из-за кедровой изгороди, слегка колыхнул ее, и два-три листа опали в заросли сухих хризантем. Король открыл свои круглые глаза. Я до сих пор это помню. Его глаза сияли несравнимо прекраснее янтаря, которым так дорожат люди. Он не шевельнулся. Направив пронзительный взгляд прямо мне на лоб, он сказал:

— Ты вообще кто такой?

Мне показалось, что его слова не очень подобрали королю, но в голосе звучала такая сила, что, даже будучи котом, я не мог не ощутить страха. Однако подумав, что опаснее будет не ответить, я как можно спокойнее и холоднее сказал:

— Я кот. Имени у меня пока нет, — но сердце мое в этот момент, конечно, билось сильнее обычного. Он с насмешкой и презрением бросил:

— Что? Кот? Не смейся. Где ты вообще живешь?

Совершенно дерзкий тип.

— Я живу здесь, в доме учителя.

— Я так и думал. Ты же такой тощий.

Будучи королем, он мог говорить что угодно. Однако, судя по его тону, он был далеко не воспитанным котом. Глядя на его жирное, упитанное тело, я подумал, что

питается он, должно быть, неплохо и живет в довольстве. Мне не оставалось ничего иного, как спросить:

— А ты-то кто такой?

— Я — Куро, живущий у рикши¹, — гордо сказал он.

Кто не знал Куро, главного хулигана этих краев? Но, как и полагается коту рикши, он мог гордиться только своей силой, но не знаниями, так что почти ни с кем не общался. Мы все его избегали. Услышав его имя, я почувствовал некое щекочущее чувство в районе хвоста — что-то вроде тревожного волнения — и одновременно легкое презрение. Мне стало любопытно, насколько он на самом деле невежественен, и я решил проверить это в следующем разговоре.

— Кто, по-твоему, лучше: рикша или школьный учитель?

— Конечно рикша. Он же сильнее — тут и думать нечего. Ты посмотри на своего хозяина — кожа да кости, ничего больше.

— Ну ты, видно, сам тоже довольно сильный, раз из дома рикши. Видно, у него можно поесть досыта.

— Ха, да что ты, куда я ни пойду, нигде с едой проблем не имею. А ты — все по чайному саду по кругу ходишь. Побудь со мной и увидишь. Не пройдет и месяца, как растолстеешь, что никто не узнает.

— Может, однажды я попрошу тебя взять меня с собой. Но, по-моему, дом у учителя все же больше, чем у рикши.

— Да черт с тем, что он больше! Какая польза от размера дома, если ты не можешь даже набить свое брюхо!

Должно быть, я наступил на большую мозоль, потому что он зашевелил ушами, острыми, как срезанный бамбук, и удалился. Так я и познакомился с Куро из дома рикши.

¹ Р и к ш а — человек, тянущий одноименную двухколесную повозку.